

Характер у Се Бэя на самом деле был хороший — в общении чувствовалось, что парень спокойный и добрый. Но, видимо, годы в шоу-бизнесе отучили его быть открытым, и самая настоящая, живая часть его души куда-то подевалась. Фанатам он показывал тщательно отрепетированный образ, в обычной жизни был ленив и неприхотлив, а вот той самой юношеской непосредственности, которая должна быть в его годы, не осталось и следа.

Сюй Чжичжэнь, заметив это, в душе немного сокрушался, но спрашивать не решался — да и так общались неплохо.

Но всё равно было жаль. Восемнадцать лет — самый лучший возраст. Смех, шутки, мяч, спорт, беззаботные улыбки и подколки, лёгкое флиртование, радость от внимания девушек. А он был слишком взрослым, слишком много повидал, потерял азарт перед трудностями, а с ним ушла и юношеская лёгкость. А она — самое ценное.

Сюй Чжичжэнь отвёл взгляд, закончив снимать баскетбольное видео для Се Бэя, и с улыбкой протянул телефон. — Ну как, пойдёт?

Се Бэй, тяжело дыша, остановился, одной рукой придерживая мяч, другой — разглядывая запись. На экране он ловко обыгрывал Чжэн Чэна и в итоге забивал трёхочковый. Кадр не дрогнул, всё чётко.

Он одобрительно кивнул, губы тронула улыбка. — Отлично. Теперь хронометража почти хватит, Нянь не будет ругаться. — Пошёл-пав мячом, он отошёл. — Как-нибудь угощу, спасибо.

Сюй Чжичжэнь лишь пожал плечами, убрал телефон и тоже пошёл играть.

Завтра начинались каникулы. Вечером он ехал домой, чтобы на следующий день вместе с Сюй Цзячэном и У Сюфан сесть на скоростной поезд до Нанкина — там их должна была встретить мама, Линь Нянь.

Он зевнул. Что-то захотелось домой.

****Примечание автора:****

Романтическую линию я безбожно ускорю. Йе-е-ей!

Неделя пролетела незаметно, а старый переулок встретил его всё тем же привычным обликом.

Он, как свой, вошёл в дом, по дороге плеснув воды из ковшика на цветы у порога.

Осенью темнело рано. Сюй Чжичжэнь, скинув обувь в прихожей, ещё с порога громко крикнул:

— Сюфан!

У Сюфан, в фартуке и с поварёшкой в руке, радостно выбежала ему навстречу. Вместе они прошли на кухню, где на низком стульчике, чистя чеснок, сидел Сюй Цзячэн.

Тот кивнул ему в сторону. — Внучок вернулся? Давай, помогай деду овощи чистить.

Услышав это, Сюй Чжичжэнь будто на масле подскользнулся — тут же развернулся и на выход. А сзади уже слышалось ворчание У Сюфан:

— Сам справляйся, к Чжичжэню не приставай! Быстрее давай, мне на сковороду пора!

Он отнёс рюкзак в спальню, повалился немного на кровати, потом порылся, достал телефон, полистал Вэйбо, ответил на сообщение от Чан Инмина... и тут же, почуяв запах жареного, оборвал переписку и рванул на кухню — урвать кусочек.

Только что приготовленная «Рыба с ароматом мяса» благоухала так, что слюнки текли. Сюй Чжичжэнь ухватил пальцами полосочку мяса — обжётся, но вкус был тот самый, родной. Он блаженно прищурился.

У Сюфан, споласкивая вок для следующего блюда, бросила на него взгляд. — Чжичжэнь, загорел ты.

Он сдержанно улыбнулся. — Ага.

— Загорел — хорошо, мужиком смотришься.

У Сюфан тут же бросила взгляд на Сюй Цзячэна. — Ты чего понимаешь! Нынче парням нельзя слишком чернеть — на уголь будут похожи. Чжичжэнь как раз в меру, посвежел даже. Ой, кстати, как там у вас в комнате тот... Се Бэй? Хороший парень? Красивый? Легко сходится?

Сюй Цзячэн лишь фыркнул и ещё усерднее принялся за чеснок.

Сюй Чжичжэнь подумал. — Нормальный парень. И общаться легко.

У Сюфан, наливая в раскалённый вок масло и отставляя в сторону промытые овощи, сказала с тёплой улыбкой:

— Может, как-нибудь приведёшь его в гости? Пусть попробует мою стряпню, очень вкусно ведь.

Сюй Чжичжэнь рассмеялся, слегка смущённый. — У него же дом в Шанхае, на каникулы он, наверное, туда. А в выходные в общежитии с нами тусуется.

С шипением овощи полетели в вок, и голос У Сюфан потонул в шуме. — Ну, я ж говорю — если случай подвернётся...

Разговор перекинулся на ремонт у соседей — в нескольких домах от них. Дом давно пустовал, все думали, никто не живёт, а в начале месяца вдруг рабочие объявились. Ремонт тянули медленно, но хозяев так и не видели. Соседи говорили, хозяйка — барышня видная, лет эдак под семьдесят, раньше в Шанхае с детьми жила, а теперь вот назад захотела.

У Сюфан вздохнула. — Богатые люди, ей-богу. Куда захотел — туда и поехал. Хотя какой Шанхай, тут Пекин — вот где жизнь! Правильно, что вернулась.

Сюй Чжичжэнь задумался, вспомнив ту самую старушку. Вряд ли, конечно, совпадение... Он замер, уставившись в окно.

— Всё, готово! Четыре блюда — хватит? Старик, вставай давай, тащи на стол!

— Сейчас, сейчас!

Ужин, мытьё посуды, сборы — к десяти вечера всё было готово. В дорогу на семь дней нужно было взять немало. Сюй Чжичжэнь, едва коснувшись подушки, провалился в сон, даже в телефоне толком не полавив.

На следующее утро они потащили чемоданы на вокзал и отбыли в Нанкин. Сюй Чжичжэнь проспал весь путь, а выйдя из вагона, неожиданно увидел Линь Нянь. Он бросился к ней, и они, смеясь, обнялись, не желая отпускать.

— Чжичжэнь, ты, кажется, погрел? И загорел.

Он, глупо ухмыляясь, кивал, держа чемодан, и даже забыл про У Сюфан.

Линь Нянь родила его рано, в двадцать три. Это, конечно, ударило по её карьере в творческом коллективе. Потом она пошла за Сюй Нанькаем в театр, прошла путь от статистки до собственной труппы, из актрисы переквалифицировалась в режиссёра. Пробивалась в Шанхае, где цены на землю не ниже пекинских. Сюй Чжичжэнь знал — маме пришлось несладко.

Он был похож на мать — носом, глазами. А губы и скулы — в отца. Линь Нянь и в молодости была красавицей редкой, а теперь, за сорок, её красота сменилась утончённой, мудрой женственностью. Черты лица почти не изменились, лишь выражение стало мягче.

Линь Нянь приехала на машине знакомого из Нанкина. Сначала отвезла их в отель, где остановилась группа, потом — в репетиционный зал к Сюй Нанькаю.

Она объяснила по дороге:

— В Нанкине на этот спектакль придут «сверху». Да ещё несколько актёров из шоу-бизнеса присоединились — публики будет больше обычного. Папа у нас и главную роль играет, и продюсер, поэтому загружен больше всех, устаёт. Встретить не смог.

Сюй Чжичжэнь кивнул. — Я понимаю. Пусть занимается делом, всё в порядке.

Был уже полдень. Они заехали в отель оставить вещи. Линь Нянь заранее попросила ассистентку занять очередь в знаменитом нанкинском ресторане «Дапайдан». Подъехали как раз к их номеру. Ассистентка, молоденькая девушка, увидев их, сразу же ретировалась — мол, не буду мешать семейному ужину.

У Сюфан и Линь Нянь устроили долгую беседу: как работа, не тяжело ли, сколько лет уже за мужем по свету колесит, не обижает ли Сюй Нанькай.

В тёплом свете лампы глаза Линь Нянь слегка покраснели. Она, улыбаясь, покачала головой: живёт хорошо, Сюй Нанькай о ней заботится.

Сюй Чжичжэнь молча слушал, не зная, что добавить. Его дед и бабушка по матери были пекинцами, но сейчас жили в Штатах, с дядей. Семья матери была состоятельной, положение — прочное. Дядя занимался искусством, ещё в молодости уехал за границу, обустроился и перевёз родителей. Потом переквалифицировался в арт-дилера — доходы выросли, а живопись осталась хобби.

Своих деда и бабушку по матери Сюй Чжичжэнь помнил смутно, виделись редко. Позже он узнал: в той семье царил патриархат, Линь Нянь никогда не была любимицей. После замужества она путешествовала с мужем, отказалась от предложения брата перебраться в Штаты, а когда вся семья эмигрировала, про неё и вовсе забыли — пусть себе в Китае пробивается.

Так что для неё семьёй стала именно семья Сюй.

У Сюфан тоже навернулись слёзы. Она отвернулась, смахнула их. — Вы всё в разъездах, я редко спрашиваю, как вы там. Вижу, что всё хорошо, — нам с дедушкой спокойнее. Главное — чтобы вы счастливы были, а остальное — ерунда. Дом у нас есть, съёмщики платят — вас и на старости лет прокормим. Не надрывайтесь слишком, пусть Нанькай побольше с тобой времени проводит.

<http://bllate.org/book/16272/1464423>